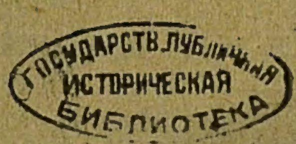
Г. Горбачев.

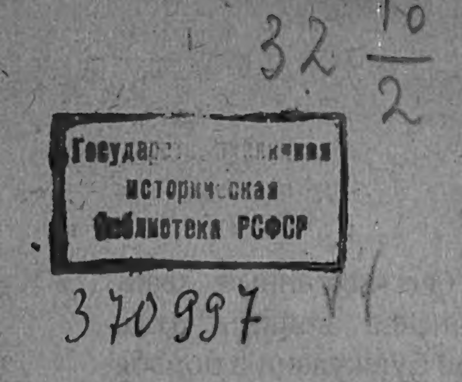
ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Конспект лекции, прочитанной политрукам Петроградского гарнизона.

Политическо-Просветительное Управление
Петроградского Военного Округа.

ПЕТРОГРАД.
25-я Государственная типография (военная). Туч. наб., 2.
1920.

Движущие силы русской революции.

Революция в России была вызвана противоречием между политикой царизма, защищавшего интересы феодального землевладения и связанного с ним торгового капитала (пережитков средних веков), и промышленным развитием России. Противоречие это окончательно назрело к концу XIX в.

Царская политика вела к обнищанию закрепощенного, обложенного непосильными налогами в пользу дворянского государства, малоземельного и прикрепленного к общине, лишенного образования крестьянства, а, следовательно, к сокращению внутреннего рынка для русской промышленности и сокращению свободных рабочих рук для промышленности и капиталистического землевладения. Крестьяне Романовским законодательством и экономическим положением, сложившимся после «освобождения“, обрекались на роль крепостных у крупных феодалов, сдававших землю в аренду „испола“. Русской промышленной буржуазии оставался внешний рынок. Однако крепостнически - бюрократический строй государства с его продажностью, взяточничеством, личными влияниями ослаблял армию, разрушал финансы (раздача денег дворянству через Дворянский Банк и проч.) и вовлекал внешнюю по-

литику царской монархии в бессмысленные авантюры (как, напр., Русско-Японская война). Этим царизм ослаблял позицию русской буржуазии в борьбе за внешние рынки. Все это вызывало по отношению к царскому правительству оппозиционное настроение промышленной буржуазии (слишком боявшейся пробудившегося пролетариата и слишком ценившей казенные заказы и тарифное покровительство, чтобы быть революционной) и либерального дворянства (представители капиталистического землевладения „земские элементы", по самому положению неспособные на революционность). Этими же причинами вызывалась жгучая ненависть к царизму демократической интеллигенции (живущей в конечном счете или на промышленную прибавочную стоимость или на прямо от народных масс получаемые деньги и потому заинтересованной в развитии промышленности, народного благосостояния и образования) и пролетариата, подавленного бесправием и полицейщиной царского режима в малейших попытках классовой организации и борьбы. В то же время под ногами русского царизма колеблется и фундамент крепостнического государства—косная крестьянская масса, под влиянием крайнего обнищания доходящая до отчаяния и бунта, а угнетенные в интересах дворянства и бюрократии малые народности готовят царизму огненное кольцо революции на окраинах Империи.

Неудачная война 1904—05 г.г., кризис, начавшийся с 1903 года в русской деревне и первые признаки промышленного кризиса после расцвета начала XX-го века, приводят в движение все слои русского общества, кроме преданных царизму „дикого" дворянства, самой крупной староторговой буржуазии, высшей бюрократии и духовенства. Разгромы крестьянами помещичьих имений, восстания на окраинах, забастовки рабочих, революцион-

ные выступления самой молодой части демократической интеллигенции (студенчества преимущественно), восстания в войсках, особенно среди наиболее развитой их части—матросов, при сочувствии средней интеллигенции и на фоне оппозиции либеральных слоев дворянства и буржуазии заставляют теряться и итти то на уступки, то на репрессии правительство царя.

Революция развивается и достигает высшей точки в октябре 1905-го года.

Но имущие классы пугаются резких выступлений самой революционной и организованной части народа-пролетариата, быстро захватывающего гегемонию (руководство) в движении и начинающего осуществлять и выдвигать свои классовые требования (8-ми часовой рабочий день) и создавшего свои мощные, способные претендовать на власть, организации—Советы Рабочих Депутатов и угрозы со стороны развивающегося крестьянского движения самым основам помещичьего землевладения. Подкупленные некоторыми уступками правительства (Дума и куцые „свобода и равенство") либеральные буржуазия и дворянство частью совершенно переходят на сторону правительства (октябристы, торгово-промышл. союз, мирное обновление и т. д.), частью (наиболее прогрессивные элементы имущих и зажиточная интеллигенция, руководимые партией Народной свободы „к—д") отказываются от солидарности с революцией и идут на путь „законной оппозиции" и соглашений с царизмом. Большая часть не принадлежащей к революционным партиям интеллигенции тоже отходит от революционных рабочих. Крестьянское движение не идет дальше отдельных местных, легко подавляемых вспышек; на окраинах революция, раздираемая классовыми и международными (Кавказ) трениями, разбивается на отдельные вспышки. Пролетариат остается один на

один с царским правительством, сумевшим сохранить в своих руках крестьянскую армию под руководством дворян-офицеров, полицию, жандармерию, казаков и набрать черные сотни из люмпен-пролетариев и темного городского мещанства.

Пролетариат, а с ним вместе и революция, терпят кровавое и жестокое поражение.

Начинается эпоха Столыпинской реакции. Либеральная буржуазия и дворянство подкупаются цензовым предетавительством в маловлиятельной Г. Думе (где, правда, большинство заранее обеспечено наиболее консервативным элементам), некоторым расщирением гражданских и политических свобод для имущих, более обеспечивающих развитие капитализма, а, главное, внешней политикой царизма. Царизм встал на путь борьбы с Германией и борьбы за выходы из Черного моря, что более всего выгодно было торгующему хлебом капиталистическому дворянству, и за ближневосточные и монгольские рынки в интересах буржуазии. Крестьянство само по себе серьезной опасности для царизма не представляло. На наиболее зажиточные и кулацкие элементы среди крестьян Столыпин старалсл опереться через закон об отрубах. Интеллигенция была частью запугана белым террором, частью, вместе с буржуазией, мирилась со Столыпином за „национальную политику“. Пролетариат был разгромлен.

Но экономическое развитие идет своим путем. С 1912 г. начинает вновь развиваться рабочее движение, приводящее в 1914 г. страну на грань революции, но в июле 1914 г. разражается империалистическая война. Издавна подчинившийся европейскому финансовому каниталу, задолжавший ему и ставший его кабальным должником, царизм не мог не вмешаться в эту войну по указке англо-французских финансистов. Война на время сорвала

революцию. Но снаружи лишь подновленная система царской монархии не выдержала испытания войной. Военные поражения и хозяйственная разруха вызвали острое недовольство в народных массах и в армии, в которой наплыв невымуштрованных или забывших муштру, спешно призванных новобранцев, ратников и запасных и разжижение старого „выдержанного" в казарме монархического офицерства полуштатскими интеллигентными „прапорщиками" разрушили старую точность и надежность механизма.

Неудачные попытки имущих классов исправить политику царизма в интересах войны и победы разбились об упрямство царской шайки, ставшей в атмосфере полного морального и умственного одичания игрушкой случайных и узко-лично корыстных сил. Раньше чем буржуазия и либеральное дворянство сумели произвести переворот сверху, о котором они мечтали и на который они не решались, произошел переворот снизу — восстали рабочие массы Питера и к ним примкнули солдаты. Раньше чем растерянные либералы Государственной Думы успели решить, что им делать, город был уже во власти восставших и настроение частей, приходивших на усмирение и примыкающих к восстанию, ясно показывало, что усмирять революционную столицу фронт не станет.

Буржуазия была вынуждена признать революцию и как естественный в глазах большинства социалистических кругов и массы солдат и рабочих преемник павшей власти занять место последней. Образовалось буржуазное временное правительство.

Но буржуазия, ставшая у власти, была неспособна разрешить даже тех насущных требований народных масс, которые не выходили за пределы капиталистического строя: ни требования прекращения войны, т. к. наша буржуазия и доставшееся

ей в наследство от царизма государство были в слишком тесной финансовой зависимости от буржуазии Антанты, а буржуазия сама была слишком заинтересована в продолжении войны и победе, ни требования всей земли крестьянству без выкупа, т. к. буржуазия была слишком тесно экономически и лично связана с дворянством, особенно капиталистическим; ни требования организации промышленности под демократическим контролем и перенесения налоговой тяготы на плечи имущих классов, т. к. буржуазия не могла согласиться принять на себя тяжесть издержек по восстановлению хозяйства, которые ей казалось столь естественным перевалить на плечи пролетариата. Мелкобуржуазные интеллигентские партии меньшевиков и эс-эров, неспособные к самостоятельной политике и боявшиеся разорвать с буржуазией, не могли стать вождями народных масс. Придумав в свое оправдание формулу „Революция буржуазная, а потому и должна делать ее буржуазия", они всю свою энергию, весь авторитет и обаяние своего „революционного" и „социалистического" имени обратили на поддержку буржуазного правительства. Крестьянство и состоявшая в большинстве из крестьян солдатская масса не могли выдвинуть своей политики, но их стихийное недовольство все росло. В результате вождем народных масс и во второй русской революции оказался пролетариат в лице своей коммунистической (большевистской) партии, которая, учитывая наступление эпохи мировой пролетарской революции, после незначительных колебаний, решительно взяла курс на диктатуру пролетариата и смело могла обещать разрешение решительное и радикальное проблемы земли, выхода из империалистической войны и организации хозяйства на пролетарских началах. Симпатии солдат и крестьян, не говоря уже о рабочих, росли к коммунистической партии с колос-

сальной быстротой. Буржуазия, бессильная победить коммунистов идейно, ибо для этого нужно было разрешить в духе демократии упомянутые „проклятые“ вопросы, не могла раздавить их и физически, ибо у нее в руках не было ни полиции, ни армии, ни других средств государственного принуждения и с самого февраля 1917 г. в буржуазной Российской Республике физическая сила принадлежала вооруженной и организованной по полкам и заводам рабоче-крестьянской массе. При таких условиях буржуазию не спасла ни политика санкционирования уже добытых народом самых широких политических завоеваний, отвлекшая внимание масс от военной и социальных проблем лишь на первые $1^1/_2$ мес. революции до „Милюковских“ дней, ни прикрытие себя союзом с мелкобуржуазными социалистами и оборонческими советами, скомпрометировавшими себя к июню, ни ловкое использование дезорганизованности трудовых масс после преждевременного и стихийного июльского выступления, ни союз всех имущих групп, от черносотенцев до радикальнейших кадетов, забывших все „частные“ расхождения перед лицом призрака коммунизма, ни переход из страха перед этим призраком всей беспартийной интеллигенции в лагерь буржуазии. Окончательно погубила буржуазию попытка вооруженной рукой, опираясь на офицерство, водворить буржуазно - генеральскую диктатуру вместо неустойчивого равновесия „керенщины“. Ответная волна рабоче-солдатского восстания во имя мира, земли и хлеба смела соглашательское правительство Керенского и поставила у власти партию, единственно способную разрешить задачи радикальнейшей демократической революции—Р. К. П. Но эта партия была в то же время и партией революции социалистической и в обстановке мирового краха капитализма, на фундаменте высоко развитых

российских промышленных центров с их революционным и организованным в своих передовых слоях пролетариатом — русский Октябрь стал двуликим Янусом—завершителем крестьянско-демократической революции в сторону и по отношению русской деревни и уездного города и началом мировой пролетарской революции в сторону Европы и русского промышленного города.

Политика Р. К. П., сознательно смотревшей на себя, как на часть революционного интернационала, представлявшей собою передовые элементы пролетариата, не могла не быть коммунистичекой в хозяйственном строительстве крупной промышленности и интернациональной во внешней. Ее резкая прямолинейность была усугублена яростным саботажем и сопротивлением буржуазии и интеллигенции, понимавших, что с новою властью приходит конец самым основам капитализма. Этот саботаж вынуждал новую власть и там, где она этого не хотела, спешить с конфискациями и национализациями, что углубляло ненависть к новому строю интеллигенции и мелкой буржуазии и толкало буржуазию, среднюю и крупную, на немедленные прямые действия. С точки зрения интернационалистской вполне логичный акт заключения мира в Бресте вызвал новый взрыв ненависти к новой власти со стороны „патриотической“ мелкой буржуазии и интеллигенции и дал державам Антанты повод к открытому вмешательству в дела захваченной „заразной болезнью“ коммунизма России. Но Советская власть прочно держалась сочувствием рабочих и крестьян, захватывавших помещичьи земли и производивших демократическую аграрную революцию, и демобилизовавшихся солдат. Попытки контр-революции находили вооруженную силу только среди крупно-хозяйственных крестьян-казаков, офицеров и юнкеров, бежавших на Дон,

и их партизанские отряды сравнительно легко разбивались Красной гвардией. Националистическое настроение мелкой буржуазии и части рабочих окраин, издавна усиленное империалистскою политикой царизма, дало возможность буржуазии вызвать противосоветское сепаратистское движение на Украйне, в Грузии, Армении, захватить две последние типично аграрные страны в свои руки в союзе с мелкобуржуазной демократией и обеспечить захват Украины немцами. Но в великороссийской области новая власть держалась прочно. Однако, лето 18 г. изменило положение. Промышленная транспортная разруха, вызванная империалистской войной и усиленная саботажем, чрезвычайно обострила продовольственное положение городов, в то же время окончательно сорвала товарообмен с деревней. Деревня требовала за продукты своего хозяйства или товаров городской оромышленности, которых город дать не мог, или все возраставших непомерных сумм деньгами. А налоговой пресс перестал давить на деревню, заставляя крестьянина продавать хлеб скупщику или кулаку для уплаты податей с самого октября 1917 г. При таких условиях пролетарская власть была вынуждена вмешаться в сложившиеся после Октября отношения господства наиболее зажиточных крестьян, крепких хозяев, сумевших захватить в свои руки конфискованную помещичью землю и увеличить свой и так достаточный сельско-хозяйственный инвентарь за счет бедняков, обделенных при Октябрьском разделе. Эти крепкие хозяйственные мужики, пока для них социальными и политическими вождями были кулаки и которые чувствовали себя уже удовлетворенными революциею, не испытывали вовсе желания снабжать хлебом по твердым ценам углублявший революцию пролетарский город и не могли стать опорой в деревне пролетарского пра-

вительства. Господство кулацких элементов в деревне могло быть допущено лишь как неизбежный переходный момент властью городской и деревенской бедноты. Советская власть в поисках хлеба и в целях борьбы с засильем кулаков опирается на ту бедноту, которая не была удовлетворена аграрной революцией 17 года, нуждалась в инвентаре и хлебе. Комитеты бедноты помогли сокрушить силу кулаков, дезорганизовав их террором и реквизициями, достали хлеб у кулаков и середняков по принудительной разверстке для городского пролетариата. Но среднее крестьянство отнюдь не легко дало этот хлеб. Нарушение его собственнических инстинктов заставило его на первых порах тесней примкнуть к кулакам и стать в резкую оппозицию к советской власти. Неналаженность на первых порах советского продовольственного аппарата, не сумевшего справиться с голодом в промышленных центрах, возбудила недовольство в наименее сознательных массах городских рабочих.

Этим с лета 18 г. обеспечена возможность торжества контр-революции в тех местностях России, где крестьянство было в массе наиболее зажиточно или где сильнее всего был класс крестьян мелких капиталистов (Сибирь, Приуралье, Заволжье, Сев. Кавказ, Новороссия и Украина). Но т. к. контрреволюция, конечно, не могла надеяться на поддержку единственно-организованного и способного к открытой вооруженной борьбе класса —передовых пролетариев крупной промышленности в борьбе с властью этого класса, то для своей организации военное белогвардейское „царство“ нуждалось в завесе иностранных штыков от Советской армии до сформирования собственных воинских кадров. Потому Самарскому и Сибирскому правительству понадобились чехо-словаки, Краснов и Деникин

возникли под защитой немцев, Юденич—немцев и эстов, правительство Чайковского возникло под покровом английского дессанта. Но контр-революция оказывалась таким образом в руках стремившегося к эксплоатации России и связанного с русской круппой буржуазией иностранного капитала. Это делало еще более ощутительным засилье в белых окраинах, финансировавших их и легко проглатывавших безхребетную демократию крупных русских буржуа и тесно с ними связанных помещиков и еще более ненавистным для патриотического крестьянства и мелкой буржуазной интеллигенции господство белых. Политика белых была господством кнута и сабли, разграблением естественных богатств страны и восстановлением помещичьей собственности. Так использовала буржуазия грезившийся меньшевикам и с. р. демократический рай за стеной иностранных штыков. Офицерск е отряды под командой царских генералов—единственная военная сила белой „демократии"—определенно тянули в сторону полной реставрации дофевральских порядков. Этим была предрешена судьба всех восстаний против Советской власти: они превращались ими в вспышки кулацко-середняцких сопротивлений реквизициям и наборам или образование за стеной иностраниых штыков белой власти сразу, или монархически-помещичьей (Краснов, Юденич) или сперва „демократической", а потом уже превращавшейся в диктатуру сабли и крупного капитала и землевладения (Колчак, Скоропадский, Миллер, Деникин на Кубани), быстро взрывавшейся возмущением крестьян, рабочих и части мелкобуржуазной интеллигенции против восстановления политических и социальных порядков Романовской монархии. Эти возмущения сказывались распадом белых армий и партизанской в белом тылу. Эти попытки интервенции и реставрации

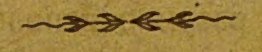
связали с Советскою властью среднее крестьянство, вновь увидевшее в пролетарской власти своего вождя и защитника своей земли и пошедшее за беднотой, произвели перелом в настроениях антимонархической и патриотической мелкобуржуазной интеллигенции в пользу Советской власти. Окончательно обнаружилось, что казавшийся мелкой буржуазии столь антипатриотичным и „изменническим“ Брестский выход из войны был единственным способом спасти Россию от участи колонии победившего в империалистской войне капитала той или другой коалиции. Пролетарская власть использовала оба перелома, сблизившись с средним крестьянством, как только оно стало лояльным, и проводя коммунистические формы хозяйства в деревню очень осторожно, медленно, без принуждения и ставя интеллигенцию в относительно хорошее материальное и моральное положение при малейшем шаге последней навстречу пролетарской власти. Монархические и империалистские тенденции белых генералов оттолкнули от них и сперва их поддерживавшие из ненависти к коммунизму и по указке Антанты мелкобуржуазные и буржуазные республики окраинных народов, которые, боясь за свою независимость, кончили заключением мира с Р. С. Ф. С. Р.

Но если борьба с интервентами делала Советскую власть национальной властью для российских демократических масс, то пролетарская диктатура в России по прежнему была обращена к Европе, как крепость мировой пролетарской революции, база III-го Интернационала, и, внушая бешеную ненависть буржуазии, вдохновляла на революцию рабочих. Р. С. Ф. С. Р. становится центром, штабом, прибежищем и снабжающей базой мирового коммунистического движения. Самый вопрос об интервенции и блокаде России становится вопросом, разрывающим „единение“ пролетариата и

буржуазии и лозунг „руки прочь от России“ лозунгом классовой борьбы европейских рабочих. Для угнетенных масс Востока чуждая тени империализма политика Р. С. Ф. С. Р. сделала последнюю маяком спасения и центром притяжения. Все это в свою очередь дает Советской России возможность от обороны перейти к нападению на империализм, т. е. к активной поддержке рабочего движения на Западе. Первая военная попытка в этом направлении—наступление на Варшаву не дала непосредственно ожидавшихся результатов—рабочей революции в Польше и связи Советской России с пролетариатом Германии, но дала возможность нащупать ахиллесову пяту империалистов в Варшаве и значительно усилила классовую борьбу в Европе на почве разделения рабочих за Россию и буржуазии за Польшу. Мир в Риге во всяком случае сорвал замыслы Антанты взять силою оружия Советскую Россию С‘езд народов Востока в Баку, советская революция в Сев. Персии и Азербейджане, движение в Турции и Индии обнаружили и второе роковое для империализма место—его колонии и угнетенные страны Востока. Разбив Врангеля, пролетарская власть в России встала перед задачей хозяйственного возрождения страны. Задачаэта, чрезвычайно сложная, может быть разрешена методами доступными лишь пролетариям и пролетарской власти: трудовою повинностью, добровольно усиленным коллективным трудом, неуклонным проведением хозяйственного плана от восстановления транспорта до производства предметов массового потребления. В процессе этого восстановления хозяйства, если пролетарской власти удастся провести это дело твердо и по правильному пути, разумно использовав и иностранный капитал в виде концессий, сделав понятным крестьянству всю неизбежность пролетарских ме-

тодов и обеспечив сочувствие лучшей части интеллигенции, то авторитет пролетарской власти поднимается в процессе хозяйственного строительства еще более в глазах российской демократии. И если даже пролетарская помощь с Запада, необходимая для окончательного установления коммунизма, не придет скоро, в России возникнет коммунистический город, вошедший в нормальные отношения со все более организующейся на коммунистический лад деревней. Вполне коммунистической деревня, конечно, станет очень не скоро без „помощи с Запада“. Как разовьются события мировой революции, предрешить нельзя. Может быть, Советской власти еще придется обороняться от натиска империализма, может быть, ей самой придется вести на него наступление, может быть он погибнет от внутренних причин без прямого воздействия Советской Республики. Также нельзя предсказать и момента наступления революционного кризиса в Европе. Но Советская Россия во всяком случае будет достаточно сильна при условии нормального развития хозяйственного строительства, чтобы успешно выполнять свою роль коммунистического оазиса в пустыне гибнущего империализма и активного штаба мировой революции при всяких осложнениях мирового революционного процесса.

И к моменту начала Революции в Европе и на Востоке Советская Россия, сохранив свою коммунистическую власть, сможет двинуть на помощь мировым революционным силам всю тяжесть своих государственно-организованных людских и материальных рессурсов.

Р. В. Ц.